

Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

По намѣстничествамъ была разослана Екатериною Великою серебряная посуда для торжественныхъ обѣдовъ. Во вторую Турецкую войну, эта посуда взята была назадъ, за оскуднѣиёмъ казны. Державинъ писалъ про намѣстничества:

На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари.

Между Державинымъ и Екатериною, къ концу ея царствованія, наступила ограда вслѣдствіе того, что Державинъ отказался принять участіе въ составленіи манифеста о предоставленіи наслѣдства послѣ Екатерины великому князю Александру Павловичу, и въ его Запискахъ имѣются жестокия про нее страницы. Съ кончиною Потемкина ослабѣла она духомъ.

*

Стихи Ю. С. Аксакова про Екатерину Великую.

Была пора: Екатерининъ вѣкъ,
Сей маскарадъ, сей вѣкъ мишурной славы.
Переодѣтъ былъ Русскій человѣкъ
Въ чужой костюмъ заемно-величавый.

*

Въ тотъ славный вѣкъ все лгало безъ стыда:
Звалась царицей иноземка,
Холстинные стояли города,
И Русскою прикидывалась Нѣмка.

Проживи Константинъ Сергѣевичъ долѣе, не было бы написано это осмистіише. Его отецъ свидѣтельствуетъ, что даже въ отдаленной Уфѣ, гдѣ протекало его дѣтство, плакали на его памяти, когда пришло

извѣстіе о кончинѣ Екатерины. Впрочемъ, какъ писатели, отецъ и сынъ были вполне разномысленны. Сергій Тимофеевичъ говаривалъ мнѣ, что онъ не читаетъ произведеній своего сына и что они для него слишкомъ мудрены. И дѣйствительно, въ книгѣ Константина Сергѣевича о Ломоносовѣ только слова Русскія, а сама она чисто-нѣмецкая. Подобно ученику своему, историку Н. М. Павлову, Константинъ Сергѣевичъ не хотѣлъ ничего читать о Екатеринѣ; а между тѣмъ, напримѣръ, въ ея „Ангидотѣ“ они нашли бы цѣлыя страницы, въ которыхъ изложены задушевныя ихъ мысли о Россіи, даже съ преувеличеніями. Аксаковъ, конечно, раскаялся бы въ этихъ стихахъ, въ которыхъ каждый—исторіографическая клевета. Но Аксаковъ воспитывался и жилъ въ такое время, когда память о Екатеринѣ Великой была почти что запретною. Подъ воздѣйствіемъ своей матери Николай Павловичъ ненавидѣлъ свою бабушку, и даже у его преемника выпросили позволенія графы Бобринскіе черезъ благодѣтельствованнаго ими канцлера князя Горчакова поставить ей памятникъ въ Петербургѣ. Нынѣ выяснилось, что влюбленная въ Русскій народъ Государыня увлекалась въ его оцѣнкѣ даже пуще самаго Аксакова.

*

Мать Николая Гавриловича Рюмина, извѣстнаго богача-откупщика, добраго попечителя Рязанской гимназіи, прекрасный домъ которой подаренъ его отцомъ, Елисавета Ивановна была дочь того Щекотихина, который при Павлѣ проводилъ Августа Коцебу въ Сибирь. (отъ Ф. Л. Ляликова).

*

О бракѣ графа Николая Петровича Шереметева.

Въ метрической книгѣ 1801 г. Пречистенскаго сѣрока церкви Николая чудотворца, что близъ стараго Каменнаго моста, Ноября мѣсяца 6 дня за № 11, написано: „Женился прихожанинъ его сіятельство господинъ дѣйствительный и тайный совѣтникъ Двора Его Императорскаго Величества Оберъ-Камеръ-Геръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Первымъ бракомъ понялъ за себя дѣвицу Праскевію Ивановну дочь Ковалевскую, о которыхъ надлежащій обыскъ чиненъ былъ съ поруками“.

Тоже подтверждаетъ указъ Святѣйшаго Правительств. Синода № 3194 отъ Октября 29 дни 1803 г. Московской Консисторіи о выдачѣ свидѣтельства объ этомъ бракѣ.

*

Ермоловъ сказывалъ Н. А. Муханову, что въ 1822 г., возвратившись въ Петербургъ, Александръ Павловичъ спрашивалъ его, видѣлся ли онъ со Сперанскимъ и какъ нашелъ его.—Какъ же, мы стоимъ въ одномъ домѣ у Демута. Прежде онъ былъ такъ высокъ, что не зналъ меня; а теперь на досугѣ мы часто бесѣдуемъ.—О чемъ же?—Онъ говорилъ мнѣ и о своей ссылкѣ?—Что же?—Говорилъ онъ много и долго, но я ничего не понималъ.—Ну такъ я тебѣ расскажу.—И Государь, заключилъ Ермоловъ, говорилъ много и долго, но я также ничего не понималъ.

Это напоминаетъ рассказъ князя Н. Г. Репнина, который пріѣхалъ въ Петерб. изъ Малороссіи и долженъ былъ представиться Государю тотчасъ послѣ Ермолова. Когда Ермоловъ выходилъ изъ кабинета, замѣтно было, что онъ плакалъ. Кончивъ свой докладъ, князь Репнинъ засталъ Ермолова еще въ пріемной и обратился къ Ермолову: Чтò у васъ было Алекс. Петровичъ? Я замѣтилъ, что и Государь плакалъ.—Ничего, отвѣчалъ Ермоловъ: другъ друга надували!

*

По поводу статьи Погодина о Сперанскомъ въ „Р. Архивѣ“ гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ вспомнилъ Владим. Алексѣевичу Муханову (въ Теплицѣ въ 1871 г.), что ему князь Любецкій самъ рассказывалъ слѣдующее. Въ 1812 г. Любецкій былъ губернаторомъ въ Гроднѣ. Балашевъ поручилъ ему составить записку о состояніи и направленіи умовъ въ краѣ. Любецкій отвѣчалъ, что онъ знаетъ только свою губернію и дѣйствительно написалъ о ней отчетъ. Но Балашовъ настаивалъ, чтобы подобная же записка была составлена обо всемъ краѣ. Любецкій отпѣкивался. Балашовъ требовалъ. Тогда Любецкій объявилъ, что подобный трудъ уже готовъ, и принесъ Балашову тетрадь на чисто переписанную, отлично переплетенную. На первой страницѣ Балашовъ прочелъ: à Sa Majesté Empereur Napoléon par Miclel Spéransky.

*

Академикъ, славный профессоръ Астрономіи, Дмитрій Матвѣевичъ Перевозчиковъ не любилъ Нѣмцевъ и когда ему указывали на Шиллера, какъ на друга челоувѣчества, сказалъ. Да вѣдь Шиллеръ-то рано умеръ именно отъ того, что созналъ себя Нѣмцемъ.

*

Старикъ графъ Самойловъ говорилъ своему молодому племяннику П. Л. Давыдову: Vous entrez dans le monde. Soyez honnête avec les

hommes et scélérat avec les femmes. (Ты вступаешь въ свѣтъ. Съ мужчинами будь честнымъ человѣкомъ, а съ женщинами злодѣемъ).

*

Мы хотя, городовые,
Но не смѣемъ брать ихъ въ часть:
Ибо ихъ передовья
Укрѣпляютъ нашу власть.

*

Прикащикъ извѣстнаго Московскаго мѣхоторговца Сорокоумовскаго, на пути изъ Москвы въ Лейпцигъ, по желѣзной дорогѣ, сказывалъ мнѣ возрастъ песка:

- 1) Выпердокъ
- 2) Норникъ (норы)
- 3) Крестоватикъ (на спинѣ крестъ)
- 4) Синякъ
- 5) Недопёсокъ
- 6) Песець.

Соболи до сихъ поръ считаются въ сорокъ шкурокъ.

*

Домъ, гдѣ умеръ Пушкинъ, нынѣ, какъ въ 1837 году, принадлежитъ князю Волконскому. Онъ находится на узкомъ берегу Мойки, близъ Пѣвческаго моста. Квартира Пушкина внизу, довольно богатая. Ходъ изъ подъ воротъ дома на лѣво. Сначала небольшая лѣстница, въ нѣсколько ступенекъ, ведущая на право отъ входа и заворачивающая на лѣво (лѣстница продолжается на второй этажъ). Нынѣ (Августъ 1874 г.) тутъ жилъ графъ Клейнмихель, женатый на внучкѣ Карамзина, княжнѣ Мещерской. Они платятъ 3 т. р. Изъ небольшой передней на лѣво ходъ въ кабинетъ, гдѣ страдалъ и умеръ поэтъ. Это большая комната въ 5 оконъ, обращенныхъ къ Мойкѣ, съ узкими между окнами простѣнками и съ каминомъ въ лѣвомъ углу. Изъ нея еще одна дверь въ гостиную съ выступомъ на Мойку о 3 окна, а изъ гостиной двѣ двери: одна прямо противъ кабинетной двери, въ спальную, а другая противъ оконъ въ столовую, изъ которой на лѣво опять дверь въ переднюю, обращенную окномъ на дворъ и имѣющую так. обр. 3 двери: 1) входную съ лѣстницы, 2) противъ нея въ столовую и 3) на лѣво, противъ окна, въ кабинетъ Пушкина. По узости простѣнковъ между окнами П. долженъ былъ помѣстить свои шкапы вдоль кратчайшихъ стѣнъ своего паралелограмма. Одинъ шкафъ или полки стояли у двери, и за ними на диванѣ умеръ поэтъ.

Мойка.

Домъ князя Юрія Владимировича Долгорукова въ Москвѣ посѣщали двѣ сестры Ушаковы, старшая Елисавета и младшая Екатерина. Последняя была въ полномъ смыслѣ красавица: блондинка съ пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста средняго, густыя косы нависли до колѣнъ, выраженіе лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нея жениховъ; но по молодости лѣтъ она не спѣшила за мужъ. Старшая Елисавета вышла за С. Д. Киселева.

Является въ Москву А. С. Пушкинъ, видитъ Екатерину Николавну Ушакову въ благородномъ собраніи, влюбляется и знакомится. Завязывается тѣсная сердечная дружба, и наконецъ послѣ продолжительной переписки Екатерина Ушакова соглашается выйти за него за мужъ. Въ это время въ Москвѣ жила извѣстная гадалщица, у которой нѣкогда былъ или бывалъ даже Государь Александръ Павловичъ. Пушкинъ не разъ высказывалъ желаніе побывать у этой гадалщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкинъ пришелъ къ Ушаковымъ и въ разговорѣ сообщилъ, что онъ былъ у гадалщицы, которая предсказала ему, что онъ „умретъ отъ своей жены“. Хотя это сказано было какъ бы въ шутку, какъ недѣльное вранье гадалщицы, однако Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказаніе заботливо и объявила Пушкину, что такъ какъ онъ не послушался ея и былъ у гадалщицы, то она сомнѣвается въ силѣ его любви къ ней; а съ другой стороны предвѣщаніе хотя бы и несбыточное, все таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человѣка, котораго она безгранично полюбить, если сдѣлается его женою; поэтому она и рѣшается отказать

ему для него же самага. Дѣло разошлось. Пушкинъ впослѣдствіи женился, она же оставалась въ дѣвицахъ. По смерти Пушкина она вышла замужъ за вдовца Дмитрія Николаевича Наумова и имѣла дочь, которая выдана была за Дмитрія Николаевича Обрѣзкова. Дочь этой Обрѣзковой была за княземъ Голицынымъ, недавно умершимъ. Когда бывшая Екатерина Николаевна Ушакова умирала, то приказала дочери подать шкатулку съ письмами Пушкина и сожгла ихъ. Несмотря на просьбы дочери, она никакъ не желала оставить ихъ, говоря: „мы любили другъ друга горячо, это была наша сердечная тайна; пусть она и умретъ съ нами“.

Отъ князя Александра Никитича Волконскаго.

(7 Октября 1873).

Въ тридцатыхъ годахъ, служа въ Дипломатической канцеляріи при князѣ Паскевичѣ въ Варшавѣ, князь А. Н. Волконскій слышалъ отъ Англійскаго консула Лепля (Француза по происхожденію) слѣдующее. Лепля служилъ въ Ганноверской службѣ (Ганноверъ управлялся герцогомъ Кембриджскимъ) въ артиллеріи. Старикъ Бенигсенъ жилъ въ Ганноверѣ слѣпой, окруженный уваженіемъ. Онъ былъ очень любезенъ и словоохотливъ. Друзья убѣдили его диктовать Записки. Для этого онъ призывалъ къ себѣ образованныхъ офицеровъ, сажалъ возлѣ себя и заставлялъ писать, придерживая листъ бумаги. Когда одна сторона листа была исписана, слѣпецъ бралъ его у писавшаго, просилъ удалиться, звалъ другого офицера, который ему прочитывалъ написанное предъидущимъ, за тѣмъ исписывалъ точно также слѣдующій листъ и удалялся, и такимъ образомъ велись Записки. Въ нихъ особенно подробно описана была война 1807 г. О кончинѣ Павла приходилось писать не Леплѣ, но онъ слышалъ подробности отъ своихъ товарищей. Бенигсенъ говорилъ, что, когда они съ Паленомъ стали говорить Александру Павловичу о необходимости добиться отреченія, Великій Князь возразилъ, чтобы они и не обращались къ нему, что это не его дѣло, что онъ и слушать о томъ не можетъ, и ушелъ отъ нихъ въ другую комнату. Они за нимъ. Одно я могу сказать, отозвался Великій Князь: *Pas de violence!* Уходя еще въ другую комнату и затворяя за собою дверь, онъ произнесъ еще: *Pas de violence* *).

О шуткахъ, приписываемыхъ Бенигсену (*omelette*) Бенигсенъ отзывался, что онъ никогда не произносилъ ихъ, что минута была слишкомъ важна, чтобы шутить.

*) Т. е. безъ насилія.

Когда Бенигсенъ умеръ, нашъ Дрезденскій посланникъ Шредеръ нарочно ѣздилъ въ Ганноверъ и предложилъ вдовѣ либо не получать пенсіи, либо отдать Записки. Она отдала ихъ, и Николай Павловичъ, какъ мнѣ сказывалъ гр. Блудовъ, при немъ жегъ ихъ въ каминѣ. Но въ Германіи несомнѣнно остались копіи.

*

Въ 1858 г. будучи посланникомъ въ Саксоніи, князь Волконскій узналъ отъ Бейста, что Герценъ печатаетъ Записки Екатерины, и донесъ о томъ кн. Горчакову. Тотъ, по скупости, отозвался, что хорошо бы воспользоваться агентами Бейста, подкупить наборщиковъ и уничтожить рукопись, но назначалъ на это лишь нѣсколько сотенъ рублей. Князь Волконскій отвѣчалъ, что если пуститься на такой подкупъ, то необходимо имѣть свободныя деньги, сколько потребуется. Горчаковъ не согласился. Тѣмъ и переписка по этому предмету кончилась.

*

Герой „Весты“ Никол. Михайл. Барановъ, по отцу Костромичъ, воспитывался въ Ревелѣ. Мать его была родомъ Ансельмъ-де Жибори. Генералъ адъютантъ Козляиновъ, въ Октябрѣ 1877 года, говорилъ мнѣ: „Легче было крѣпость взять, чѣмъ сказать Государю настоящую правду; до такой степени огородилъ онъ себя отъ правдиваго, искренняго слова“. Барановъ, напротивъ, сказывалъ, что теперь, въ Горномъ Студнѣ, Государь безъ неудовольствія выслушиваетъ горькую правду и самъ у него спрашивалъ о ней, хотя первоначально адъютанты умоляли Баранова не раздражать Государя.

*

12-го Августа выѣхалъ я изъ Москвы, гдѣ пришлось мнѣ провести почти все нынѣшнее лѣто, до того невыносимо жаркое, что, напримѣръ, 11-е Юля въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ слышался зловѣщій трескъ, какой бываетъ въ лютые морозы, и въ тотъ же день вечеромъ, возвращаясь въ Дорогомиловскую заставу съ хутора Воспитательнаго дома, видѣлъ я передъ собою пять пожаровъ. И такъ естественно было желаніе вздохнуть, наконецъ, свѣжимъ воздухомъ.

Путь мой лежалъ чрезъ обгорѣлую Рязань, гдѣ я останавливался на нѣсколько часовъ поглядѣть на опустошенія, произведенныя страшнымъ пожаромъ нынѣшняго года. Бѣдность, беспомощность, напоминающая извѣстные стихи: Всѣ люди такіе, что жаль ихъ обидѣть.

Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ одинъ изъ преосвященныхъ, возвращавшійся изъ Казани съ тамошняго помѣстнаго собора или съѣзда. Быва-

лой архіерейской пышности нѣтъ и помину. Я помню, лѣтъ двадцать тому назадъ, ѣхалъ я изъ Кіева до Москвы, въ поѣздѣ, въ которомъ слѣдовалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній на свою чреду въ Петербургъ: его сопровождало сорокъ человѣкъ. Но тѣ времена прошли. Обстановка моего спутника, занимающаго тоже одну изъ значительныхъ кафедръ, была очень скромная: съ нимъ находился всего одинъ служка, во время остановокъ являвшійся къ нему изъ третьяго класса. Преосвященный удостоивалъ меня своей умной и высокообразованной бесѣды, и этотъ переѣздъ заманивалъ мои дорожныя мечты къ разнаго рода сопоставленіямъ и сближеніямъ. Передо мною сидѣлъ представитель нашей тяжеловѣсной старинной жизни, а между тѣмъ мчались мы по 40 верстъ въ часъ.

